

Тринадцатое августа; 2025 год; где-то в центральном районе города; 19:45.

В мире не существует чего-то более убаюкивающего, чем потрескивание сухих поленьев в камине и источаемый ими аромат, особенно когда выделяемое огнём нежное тепло обволакивает промерзшее тело. Вот именно поэтому пятнадцатилетняя девочка плотно закрыла глаза, оказавшись на периферии плохого сна и кошмарной реальности.

Какая-то часть её сознания воспринимала шуршание огня, а другая треск рассекающих воздух пуль и их глухие — похожие на сильные удары по песку — попадания в стену. По этой же причине приятный аромат горячей древесины, порой становился запахом гари, а нежное тепло со всего тела, концентрировалось только в районе груди.

Эта странная и весьма необычная борьба реальности с иллюзией продолжалась уже пару часов, а закончилась только тогда, когда прогремел безумный по силе удар.

Девочка резко раскрыла светящиеся белым глаза и поначалу подумала, что ей это приснилось. Однако в следующее мгновение взрывная волна проскочила в щель между полом и дверью, всколыхнув пламя самодельной свечи в металлической кружке.

Нервно оглядев погружённую в мрак комнату без мебели и окон, девочка прерывисто выдохнула небольшое облако пара. Она старалась прислушаться к тому, что творится снаружи, но в этом бешеном рокоте стрельбы и свисте пролетающих мимо реактивных гранат едва ли можно было что-то разобрать. Мир сошёл с ума, и она несмотря на свой юный возраст прекрасно это понимала. Поэтому совершенно беззаботно зевнула и стала наблюдать за безудержным танцем пламени одинокой свечи. Однако глаза её лишились сияния только через пару минут, по прошествии которых вновь послышался свист и раздался удар. Он был в разы слабее, но она ощутила его своей спиной, так как сидела на полу в самом дальнем углу пыльной комнаты.

На этот раз пламя свечи осталось непоколебимым. Видимо граната залетела в окно второго или третьего этажа, поэтому волне не хватило сил добраться до цоколя. Однако девочку не сильно успокоила подобная мысль. Ведь помимо неё в доме было ещё много людей и один из них — в обличии прелестном — начал стягивать с неё большие, несуразные очки.

— Проснулась? — сказала она двухлетней малышке, которую нежно прижимала к себе.

В дальний угол дома угодил ещё один снаряд и пыль с потолка осыпалась им на головы. Сразу же после этого послышались крики на незнакомом девочке языке и загремела эхом стрельба, которая велась уже откуда-то из этого дома. Но малышке с большими серыми глазами не было до неё совершенно никакого дела — она по-прежнему пыталась стянуть с девочки очки, при этом очень мило хихикая.

— Кёко, прекрати, — заулыбавшись сказала она, и, поправив на малышке шапочку,

продолжила: — Ой, ну, где же ты его только находишь?

Девочка сняла красную дырявую варежку с правой руки и, смочив большой палец слюной, принялась оттирать лоб малышки от вулканического пепла. После чего поправила ей шарфик и нежно прижала ребёнка коленями, желая ещё хотя бы немного вздремнуть. Но у этого очаровательного создания были иные планы на этот счёт. Потому что Кёко сразу же начала пытаться сбежать, но стоило только где-то над их головами разорваться гранате, как малышка разразилась слезами и уткнулась лицом в грязную курточку девочки.

Последующая за взрывом ударная волна чуть не выбила дверь и погасила свечу, водрузив комнату в непроглядную темень, которую прорезали только два светящиеся белым сиянием глаза.

— Не бойся, всё хорошо, — сказала она и принялась укачивать малютку, водя взглядом из одного тёмного угла комнаты в другой. В этот момент она почувствовала страх, но не свой или ребёнка, а защищавших их людей.

Через несколько минут дом перестали обстреливать, но стрельба не прекратилась, а судя по хлопкам начала удаляться, как будто напавшая на их убежище банда мародёров перешла в отступление. И это показалось девочке предельно странным. Ведь почему тогда защищавшие их люди боятся, а не праздную победу? И притом этот страх настолько силён, что даже бьющие по дому гранаты так сильно их не пугали.

Глаза девочки загорелись ещё сильнее и в воздухе заплясали светящиеся белым светом пылинки, полностью заполонив собой комнату.

— Кёко, смотри как красиво.

Малышка нехотя обернулась и в порыве сильного восхищения умолкла. После чего утёрла варежкой слёзы, размазав ещё больше зольного пепла по лицу и, повернувшись к светящемуся глазам своей юной тётушки, снова принялась стягивать с неё очки.

На этот раз у малютки получилось завладеть ими без сопротивления. Но играть с очками в крошечной темноте было весьма непросто, и она начала жалобно всхлипывать. Поэтому девочка — по-прежнему прижимая её к груди — потянулась к стоявшей на полу свече и зажигалкой запалила фитиль.

Комната снова озарилась тусклым сиянием, а малышка раздалась радостным бурчанием. Она весело кривлялась и пыталась примерить баснословные огромные по сравнению с её крохотной головкой очки, стараясь привлечь к себе внимание очень усталой девочки, которая в этот момент пыталась сфокусировать размытый взгляд на раскрытой записной книжке, что лежала на бетонном полу.

На её покрытом пылью развороте было начеркано всего пять строк очень угловатым, как и

сама девочка почерком. А значилось там следующее:

Пепел земельный // Предзнаменуя конец // Скрыл от нас небо. // А голубая волна // Ама-но-хасидатэ*.

Протянув руку, девочка подняла с пола записную книжку и бережно убрала в школьный рюкзачок. После чего отобрала у малышки очки и принялась оттирать её мордашку от пепла, попутно прислушиваясь к тому, как идёт бой.

Судя по топоту десятка ног и громоханию тяжёлой металлической двери — группа обороняющихся людей поспешно покинула дом и пустилась вдогонку за нападающими. Этому свидетельствовали не только их неразборчивые яростные выкрики, но и сопутствующая им громкая стрельба, которая постепенно отдалялась от убежища.

В самом же доме от этого тише не стало. Люди бегали по лестнице, комнатам и длинным коридорам с ещё большим остервенением, чем когда шёл бой. И именно этот факт вынудил девочку занервничать. К тому же какая-то незнакомая ей женщина постоянно выкрикивала одно и то же слово на неизвестном ей языке. Мысленно она пыталась подобрать ему перевод, но этого не потребовалось, так как слышались очень быстро приближающиеся шаги и тяжёлое женское дыхание.

Дверь с грохотом раскрылась и на пороге показалась запыхавшаяся женщина, которая пыталась что-то сказать, но отдышка, сковавший тело ужас и безнадёга, не позволили ей сходу вымолвить то, чего она хотела. И вот только спустя несколько долгих мгновений у неё получилось:

— Волна! Кагуя-сан!..

«Волна? Так вот, что значит это было за слово», — подумала она, но не испытала при этом совершенно никаких эмоций. Глаза её по-прежнему были прикованы к запнувшейся на полуслове женщине.

— Ты должна бежать! — с трудом выговорила она и, подбежав к девочке, помогла ей подняться с пола. — Передали, что она очень большая! Её уже с крыши видно, высота до самого пепла... Молю тебя, Кагуя-сан, спаси мою девочку... Только ты одна сможешь добраться до башни. Мужчины решили попытаться прорваться, но...

— Башня? — растерянно сказала девочка, уворачиваясь от проворных ручонек малютки.

— Пожалуйста, спаси мою девочку, — сказала женщина и рухнула на колени, прильнув в поклоне лбом к пыльному полу.

— Но вы...

— Мы как-нибудь... что-нибудь придумаем, но мой ребёночек. Если вода...

— Хорошо, я попробую, но башня...

— Спасибо тебе! — перебила её женщина и начала подвязывать ребёнка к груди девочки при помощи простыни. — Ты должна успеть... Боги тебе помогут и сопроводят. Они наградили тебя этой силой именно для этого случая — я уверена в этом. И, пожалуйста, пообещай мне, что если со мной что-нибудь случится, то ты не оставишь мою доченьку. Позаботься о ней, молю тебя. Это единственное...

— Хорошо, — сухо сказала она, глядя на разрыдавшуюся женщину, которая продолжила озвучивать свою длинную речь, но вырывающиеся из её уст слова было уже невозможно разобрать.

Закончив подвязывать свою дочь, она помогла девочке надеть рюкзак и, держа её под руку, сказала: «Бежим, скорее бежим, моя дорогая...» Но ноги женщины наотрез отказывались ей подчиняться, из-за чего она всем телом налегала на Кагую, стараясь не завалиться на пол. В конце концов она остановилась, ещё сильнее разрыдалась и принялась расцеловывать свою растерявшуюся малышку. После чего приказала девочке бросить её и скорее бежать вверх.

Оставив женщину в крошечной темноте, она побежала по витиеватому коридору подвала, освещая свой путь хиленьким огоньком самодельной свечи, которая вот-вот грозилась погаснуть. Но ведущая на первый этаж лестница оказалась совсем рядом, поэтому уже спустя мгновение ей удалось выбраться на улицу, на которой было ненамного светлее.

Сантиметровый слой серой пыли на земле, хаотично разбросанные по проезжей части автомобили и лишённые остекления бетонные здания выглядели не настолько жутко, как затянутое бурлящей чёрной пеленой небо. Складывалось впечатление, что весь земной шар, как некую птичью клетку накрыли плотной чёрной тканью, которая теперь безудержно колыхается на сильном ветру.

К тому же в городе напрочь отсутствовало освещение, однако некоторые места пепельного неба подсвечивались красноватым сиянием пламени. А поднимающиеся в воздух клубы чёрного дыма, соединяясь с вулканическим небом, имели более тёмный оттенок. Это свидетельствовало о том, что деформированное солнце ещё не до конца скрылось за горизонтом и у девочки есть как минимум пол часа до наступления полной темноты. Совсем такой же, какая царила в подвале, когда погасла свеча. Вот только в действительности у неё не было и пяти минут, так как пребывающее цунами было уже отчётливо заметно даже с крыш невысоких зданий. Однако Кагуя не видела и не особо боялась его. Ведь девочке уже приходилось переживать нечто подобное.

Прижав к себе ребёнка левой рукой, девочка побежала в направлении звука бушующего боя. Но не пробежав даже десяти метров, она спрыгнула с небольшого бордюра и, поскользнувшись на скрытом под пеплом льду, повалилась на спину. Малышка сразу же, испугавшись, расплакалась и начала вырываться.

— Прости меня, — шёпотом сказала девочка и сквозь сильную боль в пояснице поднялась на ноги. Почти вся её одежда была вымазана сажей, но это волновало её в последнюю очередь. Ведь куда более невыносимым был неистовый холод, от которого у неё начало ломить кончики пальцев и пощипывать щёки. Однако, несмотря ни на что, она снова побежала вперёд, в темноту разрывающейся рокотом боя улицы, пошатываясь и прихрамывая на правую ногу.

Когда стрельба стала настолько громкой, что её хлопки начали заглушать эхо, девочка свернула на соседнюю улицу, которая оказалась заставленным разграбленными автомобилями проспектом. Он вёл прямо к высоченной башни из стекла и бетона, которая напоминала по своей форме огромный початок кукурузы. Однако, даже несмотря на свою высоту — его верхушка не доставала до пепельного неба.

Через эти автомобильные баррикады и мусор, до него было бежать в лучшем случае пятнадцать минут. И девочка прекрасно уже поняла, что не успеет, хотя до сих пор ещё не смогла разглядеть цунами на горизонте. А последние надежды на то, что у неё получится исполнить просьбу, разрушились именно тогда, когда она услышала за своей спиной грубые мужские выкрики.

Обернувшись, девочка увидела пять ярких лучей фонаря, которые торопливо приближались к ней. Однако определить враг это или нет было невозможно из-за темноты. Да и к тому же Кагуя была уверена в том, что в нынешнем мире не бывает своих, если это не маленький, не успевший вкусить прелестей этого мира, ребёнок.

Пробежав небольшой перекрёсток, девочка присела за легковой автомобиль отдышаться и посмотрела на малышку, которая с каким-то неистовым удивлением в прекрасных серых глазах разглядывала окружающий мир. Но страха в них Кагуя не заметила, но зато поразились их кристальной ясности и чистоте, которая так явственно бросалась в глаза на фоне чумазого личика.

Почувствовав на себе взгляд своей юной тётушки, малышка повернулась к ней и попыталась дотянуться до её лица, но в этот момент раздался хлопок со стороны перекрёстка, поднявший в воздух большое облако пыли. Лучи фонарей растворились в нём, дав сигнал к продолжению бегства. Однако стоило ей только выбежать из-за автомобиля, как вдали мелькнула жёлтая вспышка и к ней на встречу понёсся зеленоватый луч.

По ощущению он летел настолько медленно, что его можно было вполне без последствий остановить голой рукой. Но когда яркий луч с щелчком пролетел мимо головы девочки, то на мгновение всё перед её глазами поплыло, а в левом ухе раздался пронзительный свист.

Споткнувшись, девочка чуть было не упала, но в этот момент прямо над её спиной пролетела ещё одна пуля, от которой она даже ощутила поток рассекаемого ею воздуха. И только после этого глаза Кагуи вспыхнули белым сиянием. Однако уже было слишком поздно, потому что стоило ей только выпрямиться и посмотреть вдаль, как она увидела ещё один луч.

Он нёсся прямо ей в грудь, в малышку, но за тридцать сантиметров до неё пуля, раздавшись

искрами, деформировалась об невидимое препятствие, и её свинцовая оболочка рассыпалась на мелкие куски. А бронебойный металлический сердечник, изогнувшись, отскочил прямо в лицо девочки.

Удар был такой силы, что она не смогла устоять на ногах, и завалилась набок, закрыв голову малышки руками. Пространство над их головами тут же начали с треском рассекать оранжевые и зелёные огни, пугая и оглушая малышку. Однако больше всего это неразумное дитя испугалось за свою тётушку, которая хотя и придерживала её головку, но более никаких признаков жизни не подавала. Она уже даже была на грани того, чтобы разрыдаться. Вот только Кагуя наконец зашевелилась, поджав под себя ноги уселась, и провела рукой по онемевшему лицу.

Красная варежка намокла и воде при таком морозе взяться было неоткуда — это она поняла сразу, а когда опустила замыленный взгляд на малышку, то заметила кровь на её милом личике, свою собственную кровь, которая текла из рассечённой брови и довольно быстро капала с подбородка.

Малютка громко, навзрыд зарыдала, а девочка огляделась, но в этой темноте, да и с её зрением найти очки не представлялось возможным. К тому же она прекрасно понимала, что от них, скорее всего, мало что осталось. Ведь если это было как-то иначе, то она осталась бы без глаза или даже жизни как таковой.

Из-за шока и ранения Кагуя некоторое время приходила в себя, пытаясь понять куда она вообще бежала и какова её цель. Но рыдания малышки быстро привели заплутавшие мысли в порядок.

Девочка снова посмотрела на неё лишившимися сияния глазами и вытерла варежкой кровь с детского личика, которая продолжала неустанно капать на курточку. Однако ей было наплевать и это отчётливо прослеживалось в слабовидящем взгляде, который она устремила куда-то прямо перед собой, а мгновение спустя её глаза вспыхнули с удвоенной силой.

В воздухе заплясали невесомые, светящиеся белым светом снежинки, которые заполонили собой всё пространство вокруг них и частично перекрёсток.

После этого юная тётушка облегчённо выдохнула большое облако тёплого пара и принялась перевязывать шарфик малышки так, чтобы тот полностью закрывал собой её носик и рот.

Закончив с ребёнком, Кагуя проделала то же самое со своим шарфом и поднялась на ноги. Треск проносящихся мимо них пуль сразу же стал заметно тише, а глаза девочки ещё ярче. Они буквально пылали во тьме двумя лунами, которые не могли остаться незамеченными стрелявшими в их сторону людьми. И хотя изначально они стреляли не в них, но заметив это сияние — сразу же сменили приоритет цели и открыли огонь по ним. Правда ударяющие в невидимый силой барьер пули больше не разлетались на мелкие куски, а отскакивали от него в случайном направлении и, ударяясь обо всё вокруг, высекали небольшие фонтанчики искр.

— Тише, всё будет хорошо, — сказала она вновь заплакавшей малышке и, обняв её обеими руками, сорвалась с места.

Оббежав машину, за которой они укрывались, девочка приблизилась к соседней и, замахнувшись, ударила её. Хрупкая ножка Кагуи физически не коснулась стального порога автомобиля, а он уже изогнулся дугой, и машина кубарём покатилась в направлении стрелков, взметая за собой непроглядные клубы вулканической пыли.

С секунду помедлив, Кагуя расстегнула куртку и прижала личико малышки к толстому вязаному свитеру. После чего закрыла глаза и стремглав рванула в серую пыльную гущу.

Для человека с её зрением нахождение в этом облаке пыли было равносильно нахождению в темном помещении без очков. Поэтому это не особо сказалось на её мобильности. Ведь она не пользовалась глазами. Ей не нужно было видеть, чтобы понять куда бежать. В конце концов каждый металлический или излучающий электрические импульсы объект был доступен для её восприятия на многие-многие десятки метров вперёд. Исключением не был даже человек с его магнитным полем, которое она также прекрасно ощущала. И благодаря этому, она почувствовала прямо перед собой пятерых людей. Они выглядели из-за самодельной баррикады, ожидая пока осядет пыль.

К счастью, ждать им оставалось не долго, так как послышались быстрые проминающие автомобильные крыши шаги, а в следующее мгновение — пыльный образ невысокой, очень хрупкой девочки оказался в воздухе прямо над нами. И когда она, слова невесомая ласточка, коснулась земли — невидимый силовой купол отбросил на многие сотни метров сначала всю пыль, а после утащил за собой людей и автомобили. Не устояли даже опоры освещения, которые выкорчевало из асфальта вместе с проводами и отбросило на десятки метров от их первоначальной позиции.

Открыв глаза, девочка осмотрела мутным взглядом округу и отпустила головку малышки, которая, к её удивлению, восприняла случившееся совершенно спокойно. Вот только о спокойствии не могло быть и речи. Так как откуда-то издали снова донеслись те странные слова на незнакомом языке, которые она слышала в убежище. Поэтому Кагуя поспешно застегнула курточку и побежала вперёд, то и дело протирая варежкой заливающийся кровью глаз.

В какой-то момент она почувствовала себя плохо: её ударило в жар, а голова закружилась. Однако причины этого были ей неясны. То ли она потеряла слишком много крови, то ли ранение оказалось намного серьёзней, чем она предполагала. В конце концов осколок мог остаться в голове, и эта мысль до дрожи в руках напугала девочку. И тут уже видимо из-за боязни за свою жизнь, силы окончательно покинули её.

С трудом устояв на ногах, девочка опёрлась о столб и, сама не заметив того, заплакала. В этот же самый момент она почувствовала холодную ручку малышки на своей окровавленной щеке и посмотрела в её серые чуждые глаза.

— Прости меня, Кёко, я не справилась. Но я что-нибудь придумаю, обещаю... Только немного приду в себя и... Ты потеряла свою рукавичку? — сказала она сквозь слёзы и, сняв свою варежку, надела её на малышкину ручку. После чего перевела взгляд на двадцатипятиэтажное здание бизнес-центра, располагавшееся напротив.

Конечно, по высоте с башней оно не сравнится, но даже чувствуя себя полной сил — она не успела бы до него добежать. А в нынешнем состоянии девочка начала опасаться того, что потеряет сознание прямо на улице. Ведь если такое случится, то они просто на просто утонут. Поэтому, не имея лучшего варианта, девочка зашагала к этому зданию, рассчитывая в случае чего сберечь малышку и себя при помощи силы.

Почти в самых дверях Кагуя наткнулась на двух вооружённых мужчин, которые совершенно точно являлись врагами. Но они без каких-либо слов дали пошатывающейся из стороны в сторону девочке дорогу, святающиеся глаза которой к этому моменту полностью померкли. Один из них даже придержал ей дверь, за что она машинально поблагодарила его на японском. Но никакой ответной реакции на это не последовало.

Сквозь сильную отдышку и боль в ногах, девочка преодолела все двадцать этажей меньше чем за пару минут, и вышла на засыпанную пылью крышу, с которой открывался потрясающий вид на небоскрёб в форме початка кукурузы. Он казался так близко и далеко одновременно, что у девочки даже закружилась голова, когда она попыталась смерить его высоту взглядом.

Переведя взгляд со здания вдаль, Кагуя увидела очертание линии горизонта, но цунами ей замочено не было. Однако девочка не сомневалась, что разрушительная волна действительно существует и остались бы целы её очки, то она, вне всякого сомнения, разглядела её. А так ей оставалось только прислушиваться к грохоту боя и завыванию усилившегося ветра.

Время шло, а граница пепельного неба и моря становилась всё чётче, пока не обозначилась настолько, что Кагуя окончательно убедилась в негодности их нынешнего убежища, так как волна превосходит по высоте выбранное ей здание. Но эта мысль не сильно расстроила и напугала её. В конце концов теперь она окончательно убедилась в бессмысленности своего побега «в никуда» и это избавило её от угрызений совести, связанных с тем, что она не смогла исполнить просьбу матери беззаботной малышки, которая, радостна мыча, разглядывала величественное здание.

— Я снова оплошала, — всхлипнув, сказала Кагуя и крепко-крепко обняла ребёнка.

И хотя девочка смирилась с их судьбой, она по-прежнему судорожно перебирала в уме возможные варианты их спасения. Но все они упирались в силу, но она была слишком слаба, чтобы защитить целое здание от чего-то настолько разрушительного. Однако девочка была полна решимости сделать это и защитить малютку, даже ценой своей собственной жизни.

Бушующий вокруг башни ветер усилился, а глаза сконцентрировавшейся на волне Кагуи вспыхнули белым сиянием. Она вложила все имеющиеся у неё силы в силовое поле, но в следующие мгновение её тело пронзил сильный электромагнитный импульс, от которого у неё

захватило дух, а на языке почувствовался странный электрический привкус.

— Нет... — шёпотом сказала она, когда поняла, что глаза её снова поблекли, а контроль над силой полностью утерян. И как бы она не пыталась снова возвести силовой барьер — всё тщетно. Даже ощущение некой связи было утеряно или если сказать иначе, то её что-то блокировало.

Девочка оглядела округу и расслышала странный шелест, который прорывался сквозь звуки боя. В нём было сокрыто нечто необычное, отдалённо напоминающее жужжание электрических дуг, но в каком-то совершенно гигантском, невообразимом масштабе. Однако Кагуя не обращала на него совершенно никакого внимания. Ведь в этот момент, почувяв неладное, расплакалась малышка, и она принялась успокаивать её, не замечая, что у самой в этот момент тоже начали течь горячие слёзы.

Вспышка, ещё вспышка и небольшой фонтан искр посыпался откуда-то сбоку. Девочка была до последнего уверена, что это не по-настоящему, а странный эффект от слёз и её никудышного зрения. Но, как бы то ни было, она повернула голову чуть вправо — на огромную башню — и увидела странное мерцание в уже давно вымерших окнах на последних этажах. А в следующую секунду башня от самого шпиля и до первого этажа вспыхнула светом множества ламп, как бы ударив в землю энергией, которая разнеслась по всему городу, озарив его яркими огнями.

Сотни тысяч окон, фонарей, автомобильных фар — единовременно вспыхнули, вернув городу былое ночное величие, которое отразилось ярким светом на небесном пепле. У девочки даже защипало в глазах, и она подумала, что это сон. Однако это было не так и городу действительно вернулась жизнь, которая пульсировала миллиардами вспышек в такт умиротворённому сердцебиению ребёнка, пребывающего в объятиях любящей матери.

Любуясь этой красотой, Кагуя расслышала, как странное гудение усилилось и именно в этот момент лампы по всему городу начали лопаться, разлетаясь пучками ярких искр, которые на бешеной скорости возносились к небу и на пути к нему гасли. Как будто миллионы душ жертв трагедии наконец нашли путь на небо и, расправив крылья, ринулись на свет. Свет, который с неистовой силой ударил в лицо девочки и приятно обжог его своим нежным теплом — это скрывающиеся за вулканической пеленой солнце, впервые за три года одарило землю золотистыми лучами.

Маленькая брешь в пепельном небе с бешеной скоростью увеличивалась и словно театральный занавес раскрывала за собой огромное покрытое язвами солнце, а сразу за ним выкрашенное цветами заката чистое небо. Но радоваться настолько живописному зрелищу было непросто, так как висящий на горизонте солнечный диск наполовину перекрывался цунами. И теперь стало отчётливо видно, насколько же оно огромно и какую разрушительную мощь за собой несёт.

Странная, почти оглушающая тишина поразила Кагую, когда она немного привыкла к солнечному свету. Из всего бывшего полчища звуков осталось только завывание сильного ветра и то странное небесное гудение. Кажется, что все до единого устремили свои взоры на это волшебное солнечное действо. Однако совершенно точно у всех — и у Кагуи, в том числе —

бешено колотилось сердце, а причина тому волна, которая по-прежнему продолжала неумолимо надвигаться на город.

Девочка перевела взгляд с волны на небоскрёб, который по-прежнему пульсировал светом сверху вниз, будто отдавая всему остальному городу излишек своей энергии. В его частично выбитых окнах проглядывались тысячи силуэтов людей, которые в неподвижности замерли, ожидая чем закончится это умопомрачительной красоты зрелище. И его кульминация пришлась именно на этот момент, так как цунами ударило в огромную невидимую стену и взмыло на бешеной скорости в небо, растворившись в нём.

Даже люди с отличным зрением не смогли разглядеть его окончания, но полюбоваться подсвеченной закатными лучами водной стеной смогла даже Кагуя и маленькая малышка на её руках, которая ничего не понимала, тем не менее очень сильно радовалась, пытаясь дотянуться до лица своей измученной тётушки.

Более десяти секунд ушло на то, чтобы взмывшая в небо волна остановилась и с оглушительным всплеском ударилась о водную гладь. Все до единого, наблюдавшие за этой сценой задержали дыхания, отказываясь поверить своим глазам. Ведь на место волны пришло чистое небо и, хотя очень блёклое, но по-прежнему пышущее жаром солнце, которое за считанные секунды отогрело не только промёрзшую до костей Кагую, но и половину планеты.

Не успела девочка понять, что опасность миновала, как послышался странный перезвон металлической окантовки крыши — это подхваченная воздушными потоками верхушка цунами разлетелась дождём.

Сильно удивившись, Кагуя подняла голову и увидела совершенно ясное звёздное небо, и потрясающее по своей красоте северное сияние. Только заметив его, она поняла, что именно оно являлось источником тех странных шуршащих звуков. И каково было её удивление, когда сияние и звёзды стали в разы чётче. А причиной тому было то, что город лишился огней, но не красок. Так как намокшие здания переливались в закатных лучах настолько же красиво и восхитительно, как и огромная радуга, которая появилась на том самом месте, где совсем недавно находилось волна.

Сотни, тысячи восторженных криков сотрясли город, и девочка, не выдержав, рухнула на колени и расплакалась. Больше не было слышно стрельбы и лишь гром оваций, как биение морских волн разносился по округе. Малышка же, высоко задрав голову, ловила ртом капельки солёной воды, пока Кагуя этого не заметила и в порыве радости не прижала к себе её крохотную головку.

— Пошли к маме? — всхлипывая сказала девочка и, покачивая из стороны в сторону малютку, направилась к лестнице.

На пути к убежищу девочка наткнулась на группу вооружённых и совершенно незнакомых людей, которые радостно пели песни на неизвестном ей языке. Однако стоило им только увидеть её залитую кровью курточку, как они резко умолкли и с волнением в глазах принялись

о чём-то её расспрашивать. Но она ничего не понимала и проклинала свою несчастную судьбу. Ведь ей оставалось совсем немного до убежища.

В сложившейся ситуации имелось лишь одно утешение, и оно связано с тем, что утраченная ею связь была вновь восстановлена. Так что она уже начала готовиться к бою. Вот только к её удивлению, мужчины не собирались брать их в плен ради выкупа или делать с ними ещё что-нибудь более ужасное. Они просто поочередно осмотрели ранение девочки и, сняв с неё шапочку, поразились красоте её идеально чёрных волос, которые достигали колен. После чего перебинтовали ей голову и ещё очень долго что-то говорили, но Кагуя ничего не понимая, раскланявшись, поспешно покинула их.

Оставшийся путь до убежища она не запомнила, а очнулась только спустя сутки на больничной койке, с явным ощущением того, что это был сон. Но стоило ей только протереть глаза, как она смогла убедиться в обратном. Ведь яркий солнечный свет заполнял собой не только каждый тёмный уголок палаты, но и её души. Вот только она ещё не знала, что радоваться солнечному свету ей осталось недолго.

[*Аманохасидатэ (яп. «лестница в небо») — располагающаяся на севере префектуры Киото песчаная коса, на которой было высажено около 8000 сосен. Своё название она получила благодаря эффекту, связанному с явлением перспективы, вызывающим у стоящего на берегу наблюдателя впечатление, что расположенная перед ним песчаная коса, сужаясь, как бы уходит в небесную дымку на уровне горизонта. Для самих японцев выражение «аманохасидатэ» не нуждается в комментариях. Она часто упоминается в японских стихах вака и хайку.]

<http://tl.rulate.ru/book/35291/825906>